

УДК 091

Гутиева М.А.

Горский государственный аграрный университет (г. Владикавказ)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОПЫТ И УРОКИ ИСТОРИИ*

M. Gutieva

Gorsk State Agrarian University (Vladikavkaz)

FRAMEWORK OF RUSSIA'S NATIONAL POLICY IN THE NORTHERN CAUCASUS: THE EXPERIENCE AND THE LESSONS OF HISTORY

Аннотация. Кавказ был и остается важным узлом национальных и религиозных противоречий, жесткого военного и политического противостояния, участие в котором вынуждена принимать Россия с момента своего естественного геополитического расширения на Юг. Боевые действия на Северном Кавказе в 1990-е гг. и начале нового XXI в., в той либо иной степени затронувшие все местные народы, заметно обострили интерес к историческому прошлому этого региона, к многогранной и истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе. В представленной статье с позиций взвешенного объективного анализа показаны особенности национальной политики России в этом регионе.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, политическая интеграция, этнические элиты, национальные особенности.

Abstract. The Caucasus has always been and now remains an important hub of national and religious controversy, fierce military and political confrontation in which Russia has to take part since the beginning of its natural geopolitical extension to the south. Hostilities in the North Caucasus in the 1990's and at the beginning of the new XXI century affected each local nation in varying degrees and visibly increased interest to the historical past of this disquieting region, particularly, to the polyhedral and complicated history of the state nation-building in the North Caucasus. This article submits specific features of Russian national policy in terms of a weighted objective analysis.

Key words: national policy, inter ethnic relations, political integration, ethnic elites, national characteristics.

На современном этапе в России все большую актуальность приобретает проблема регионального сепаратизма на Северном Кавказе, который является прямым следствием накопившихся противоречий в национальном развитии как всей страны, так и этого региона. В большинстве случаев сепаратистские настроения основываются на предвзятых оценках исторического прошлого России, той роли, которую она сыграла в исторической судьбе кавказских народов. Формирование тенденциозных представлений об исключительно насильственном присоединении Кавказа к России имеет огромный разрушительный потенциал, который нельзя недооценивать. Влияние на появление сепаратистских настроений негативных знаний о прошлом подтверждается многими исследователями [8; 9]. Опасность подобных интерпретаций особенно возросла на современном этапе, когда стратегические притязания на окраинные территории России объявили многие страны.

Россия, как полагают современные российские и зарубежные исследователи, никогда не была колониальной империей. Так, Л.С. Гатагова пишет: «В пользу утверждения, что Россия не была колониальной империей, можно выстроить целую систему доказательств, начиная с географического фактора, который обусловил «живые токи коммуникаций» (в отличие от европейских стран и их колоний, разделенных морями и океанами), а также апеллируя к

---

* © Гутиева М.А.

политическим установкам, которыми руководствовалось самодержавие в своей бесконечной экспансии: рассматривать вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России» [1, 237].

Структура многонациональной Российской империи оставалась сложной и неоднозначной. Известный западный специалист А. Каппелер замечает: «Российская империя в том виде, в каком она сформировалась к началу XIX в., отличалась сильной гетерогенностью, которая не поддается определению с помощью таких ярлыков-штампов, как «российское унитарное государство», «православная империя» или «колониальная держава» [2, 119].

В колониальной зависимости от России никогда не находилась северо-западная периферия империи. И хотя центральные области России, особенно обе ее столицы, переживали стремительный хозяйственный, социальный и культурный подъем, все же и Царство Польское, и Финляндия, и Прибалтийские провинции сохраняли явное преимущество в социально-экономическом и социально-культурном уровне развития. Эти регионы использовали для нужд своей экономики российский рынок сбыта и импорт сырья из России. По состоянию и уровню развития сельского хозяйства большинство регионов на западе и юге империи также отличались в лучшую сторону от российского центра и от областей на востоке страны.

Исторический опыт присоединения Северного Кавказа к Российской империи свидетельствует о том, что в отличие от других империй российскому типу была свойственна интеграция инородческих окраин, «гражданское приобщение» инородцев. Россия значительно отличалась от тех колониальных империй, в которых метрополии долгое время старались сохранить неэквивалентный обмен, а жители колоний не имели гражданства метрополии. Национальная политика России на Северном Кавказе, особенно в советский период, была ориентирована на скорейшее выравнивание статуса центра и национальной периферии.

Имперское освоение пространства чревато в итоге государственной деструкцией. Как отмечает В.В. Макаренко, «сутью имперской формы организации является неравномерность развития географического пространства при объективной взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Неравномерность развития приводит к тому, что прорывы на качественно новый уровень в области духа, вооружений или промышленности происходят локально, а затем стремительно распространяются вширь, сплавивая окружающее пространство в империю. Но затем освоение периферией культурных и военно-политических новшеств готовит изживание имперской формы организации пространства» [4, 81].

Указанная тенденция к универсализации власти внутри империи, унификации провинций с системообразующими территориями имперского центра выливается в явление, которое сформулировано Г.С. Кнабе так: «Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр». Экономический аспект этой проблемы выступает как «противоречие между основной целью империи, состоящей в эксплуатации провинций в интересах господствующего народа, следовательно, в недопущении их самостоятельного развития сверх определенных границ, и реализацией этой цели, которая предполагает прогрессивное развитие производительных сил провинций, иначе неспособных быть экономическим и военным резервом империи» [3, 76]. Рано или поздно это развитие провинциальной экономики (и неизбежное при этом формирование новых групп интеллектуальной, культурной, профессиональной и экономической провинциальной элиты) приводит к гомогенизации экономического пространства империи, к исчезновению в нем структурных различий. Как отмечает О.В. Ситникова, «в результате выравнивания провинций и центра неэквивалентный обмен становится невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается» [7, 77].

Исторический опыт развития России свидетельствует о том, что обогащения титульно-

го народа империи за счет народов Северного Кавказа, равно как и за счет других инородцев, не происходило. Этот факт В.А. Матвеев выделяет в качестве особенности российской модели государственности [5, 54]. С этой точкой зрения, в целом, можно согласиться. Россия тем и отличалась от классических колониальных государств, наподобие Британской империи, что инородцы зачастую имели весомые фискальные льготы, в сравнении с великороссами. Б.Н. Миронов полагает, что один из основных принципов национальной политики России «состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими» [6, 31; 33]. Как имперское, так и советское правительство с помощью налоговой системы и иных мер способствовало искусственному выравниванию уровня развития различных национальных территорий страны в интересах политической целостности государства.

Нельзя не заметить гибкость политики Российской империи в отношении народов Северного Кавказа. При присоединении тех или иных регионов с народами, имевшими государственность, заключался формальный договор. С теми же, кто ее не имел, все ограничивалось принесением присяги на верность царю. Добровольное присоединение осуществлялось в форме протектората, переходившего со временем в полное подчинение.

Иначе решался вопрос при завоевании. В этом случае административное общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Степень автономии зависела от многих обстоятельств. Основным принципом политики на инкорпорированных территориях Кавказа было сохранение существовавшего до вхождения в состав России порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. Проходило несколько десятилетий, прежде чем вводились общероссийские порядки, но вплоть до 1917 г. полной административной, общественной

и правовой унификации в так называемых национальных окраинах не произошло.

Национальные критерии в России никогда не являлись определяющими при продвижении по социальной лестнице. Различные народы имели равный этнический статус. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными и включали в себя представителей других, в том числе и северокавказских народов [5, 54].

Объективный анализ позволяет выявить ряд преимуществ в правовом положении народов Северного Кавказа сравнительно с русскими (на них не распространялось крепостное право, не вводились или вводились на более легких основаниях рекрутская и воинская повинности и т. д.). Отдельные этносы Северного Кавказа пользовались налоговыми и иными льготами. При этом Кавказ, безусловно, находился под более жестким управлением, нежели, к примеру, западные окраины страны. В то же время правление этим регионом во многом находилось в руках самих горцев, точнее – лояльных империи элит [10, 67].

С.Ю. Витте отмечал: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки и проч.»¹.

Интеграционная политика России на Северном Кавказе всегда опиралась на значительные слои местного общества, ориентированные на развитие торгово-экономических и социокультурных контактов с Империей. Совмещение военно-политических огра-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5.

ничений с гарантиями невмешательства во внутренние дела позволило существенно расширить численность пророссийски ориентированных местных сообществ. В итоге для народов Северного Кавказа Россия стала не только государственным образованием на полиэтнической основе, но и объединительной идеей, Родиной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гагагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – 354 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. – М., 2000. – 212 с.
3. Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда окраины догоняют центр // Восток. – 1991. – № 4. – С. 64-76.
4. Макаренко В.В. Неравномерность развития создает империю, изживание неравномерности ведет к кризису // Восток. – 1991. – № 4. – С. 80-85.
5. Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний. – Армавир, 1998. – 156 с.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). 3-е изд. – М., 2003. – Т. 1. – 478 с.
7. Ситкикова О.В. При выравнивании провинций и центра неэквивалентный обмен невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается // Восток. – 1991. – № 4. – С. 76-79.
8. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. – Ростов-на-Дону, 1997. – 293 с.
9. Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.) / Под ред. В.Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону, 2000. – 319 с. и др.
10. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. – М., 2005. – 277 с.

УДК 2-79 (470.319) “18/19”

Мищенко В.В.

*Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
(филиал в г. Новозыбкове)*

**СЕКТАНТСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-XIX ВВ.¹**

T. Mishchenko

Bryansk State University name after I.G. Petrovsky (Branch in Novozybkov)

**SECT IN TERRITORY OF THE ORYOL PROVINCE
IN THE END OF XVIII-XIX CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с появлением сектантства в Орловской губернии как особой группы населения. Исследуется возникновение мистического сектантства (хлысты, скопцы) на территории Орловской губернии в конце XVIII-XIX вв. Изучается проникновение на Орловщину в XIX в. рационалистического сектантства (штундисты).

Ключевые слова: сектантство, Орловская губерния, скопцы, хлысты, штундисты, статистика сектантов, география расселения.

Abstract The article discusses issues related to the emergence of sectarianism in the Orel province as a distinct population group. Investigate the occurrence of mystical sectarianism (whips, eunuchs) in the Orel province at the end of XVIII - XIX centuries. We study the penetration of Orel in the XIX century. rationalistic sects (stundists).

Key words: sectarianism, Orel province, eunuchs, whips, Stundists, statistics sectarians, distribution.

1 © Мищенко В.В.